

Энергоэффективность, природный газ и опора на собственные силы становятся приоритетом

Как нам превратить «поворот на Восток» в консолидацию Евразии

Андрей Конопляник

Сегодняшние проблемы и турбулентности в мировой экономике (а также в европейской энергетике – на основном до недавних пор экспортном рынке для СССР/России) являются результатом начала конца «долгого века» (термин Джованни Арриги) доминирования США в глобальной экономике и политике. И началом конца (или уже состоявшимся концом?) глобализации в ее традиционном понимании как процесса осознанного и целенаправленного формирования суверенными государствами общих и взаимоприемлемых правил игры в становящемся все более единым мировым хозяйстве на основе одной доминирующей резервной валюты.

Мы видим целенаправленный отказ США и их союзников-сателлитов от действующего международного права. «...В универсально секьюритизированном мире государство может быть выгодно действовать против другого государства при возрастающем наборе обстоятельств... они все чаще используют инструменты, которые изменяют правила и институты для изменения ожидаемых результатов и предотвращения предполагаемых угроз», – пишет в 2021 году, еще до начала СВО, американский ученый и бизнесмен Александр Миртчев. Это объясняет действия США последних лет, как минимум после финансового кризиса 2007–2009 годов, разрушающие сложивши-

ся правила игры. Цель США – удержать свою сжимающуюся конкурентную нишу в мировой экономике и политике. Произойдет ли быстрый последовательный переход в политике США от глобализации, выстраиваемой во многом по американским лекалам (как инструмента удержания доминирования США в мировой экономике), к регионализации и протекционизму в его крайних проявлениях – санкциям и эмбарго, то есть в итоге к отказу от международного права.

Ряд исследователей (и автор в их числе) считает, что пик глобализации уже пройден – он пришелся на финансовый кризис 2007–2009 годов. Английский журнал «Экономист» в ноябре 2022 года прямо заявил, что «либеральная идея глобального энергетического рынка... мертва. Альтернативным принципом организации является формирование двух энергетических сфер влияния, одной демократической (читай: трансатлантической. – А.К.) и одной авторитарной (читай: евразийской. – А.К.).»

Неотъемлемым элементом новой реальности является множественный отказ ныне «недружественных» стран от международного права как основы инвестиционно-торговых отношений. Вместо этого наращивается массив нелегитимных (ибо вне мандата ООН) антироссийских санкций, которые принимаются группой примерно из 30 западных стран – членом ОЭСР. Дабы продлить свой «долгий век», США и идущие в их фарватере ЕС и другие члены «международного сообщества» нацелены на создание нового миропорядка, в котором санкции займут свое место не исключения из правил, а общего правила.

В описанных условиях основная развилка, на мой взгляд: будет ли этот новый «долгий век» «веком Китая» или «веком Евразии» в деглобализируемом мире? Сторонники есть и у той, и у другой концепции.

Проблемы «века Китая»

При всем уважении к китайским друзьям и партнерам, в первом случае России будет уготована роль ведомого, одной из «пристаканных» в евразийской упряжке, где единственным (или как минимум доминирующим) «коренником», технологическим драйвером, мотором коллективного экономического развития выступает Китай. А Россия остается для Китая поставщиком первичных ресурсов, в первую очередь невозобновляемых энергоресурсов.

Не думаю, что такой вариант является привлекательным и устойчивым сценарием экономического развития для моей страны. Но именно на такую модель развития Евразии, на мой взгляд, изначально нацелен мегапроект «Один пояс – один путь», предусматривающий связывание двух крупнейших экономик Евразии, расположенных на противоположных концах континента – Китая и ЕС, несколькими маршрутами инфраструктурных транспортно-коммуникационных коридоров через промежуточные транзитные территории, один из которых должен проходить через нашу страну. Такие проекты, безусловно, создают мультипликативные эффекты для территорий, через которые проходят, формируют там якорные условия для дополнительного развития национальных экономик. Но эти эффекты зависят преимущественно от инициатора, спонсора данного мегапроекта. То есть

главным образом от Китая. И в этом его роль одиночного «коренника» в данном сценарии. А Россия в таком мегапроекте уготован в значительной степени сценарий «зависимого развития».

Однако разрыв ЕС с Россией, в первую очередь в сфере традиционных (невозобновляемых) энергоресурсов, осуществленный действующими в интересах США нынешними европейскими элитами, ведет, во-первых, к разорению и, во-вторых, к деиндустриализации Европы.

К разорению – поскольку замещение российского сетевого газа, наиболее дешевого по цене отсечения у конечного потребителя в Европе, осуществляется в первую очередь и в основном за счет более дорогого СПГ США. Именно СПГ США является основным бенефициаром резкого роста газовых цен в ЕС, поскольку до начала их повышения в середине 2021 года и последующего взлета поставки СПГ США в ЕС осуществлялись, как правило, большую часть времени при ценах в ЕС ниже уровня полных издержек производства и доставки СПГ США европейскому потре-

белителю. И только взлет газовых цен 2021–2022 годов сделал эту рентабельность весьма положительной...

К деиндустриализации – поскольку энергоемкая промышленность Европы разоряется/банкротится/сокращает объемы производства и переезжает (или намерена переехать) в страны, где энергетические издержки ниже, чем в ЕС. Куда в первую очередь? Surprise-surprise – в США, где цены на энергию ниже и где правительство США приняло серию законодательных актов в поддержку отечественного производителя, в соответствии с которыми переехавшие в США иностранные промышленные предприятия могут еще и получить льготы и дотации, если будут закупать произведенные на территории США комплектующие, сырье, материалы и т.п.

Это с одной стороны. С другой стороны, руководством ЕС заявлено намерение резко сократить свою зависимость (и тем самым потенциальную «уязвимость») от Китая, особенно в сфере «новых» энергетических отраслей (ВИЭ и редкоземельных металлов, от поставок которых из Китая, по заявлению главы Еврокомиссии Урсулы ван дер Ляйен в Канаде 07.03.23, ЕС зависит на 98%). Поэтому ЕС начинает изыскивать новые возможности и формировать новые зеленые альянсы, способные заместить китайские поставки. Пусть это произойдет не сегодня, но цели поставлены. А дальше включится эффективная по своей исполнительности (знаю не понаслышке) европейская бюрократия.

Все это резко сокращает абсорбционную возможность рынка ЕС для Китая. Поэтому, полагаю, мегапроект «Один пояс – один путь» неизбежно даст – и уже

начал давать – сбои. Эта пауза открывает окно возможностей (полагаю, не очень длинное) для России, чтобы предложить альтернативный сценарий консолидации Евразии.

Одно возможное

Взаимосвязи (похожесть траекторий) в развитии отношений США с двумя странами – Россией и Китаем, по отрезанию их от «международного сообщества», ослаблению их конкурентоспособности в критических для США

сферах для меня очевидны. При этом, работая против России, США заодно ослабляют и ЕС – своего политического союзника, но экономического конкурента.

США достаточно сильны, чтобы сохранять свое постепенно (до 2022 года) и ускоренно (после начала СВО в 2022-м, причем в результате принятых самими США мер) угасающее доминирование в мировой экономике. Но недостаточно сильны, чтобы одновременно вести войну на нескольких фронтах в глобальной конкурентной борьбе. Поэтому в строгом соответствии со сценарием Збигнева Бжезинского, описанным им в «Глобальной шахматной доске» (1997), США развязали в Европе войну Украины против России, в которую втянули через НАТО страны ЕС. Эта война уничтожительна для России, разорительна для Европы.

Работая против России, США, во-первых, убирают из Европы более конкурентоспособного, чем СПГ США, экспортера энергоресурсов (газа и нефти). Во-вторых, убирают Европу из глобальной экономической конкуренции в энергетических отраслях как наиболее слабое звено, ослабленное многочисленными внутренними противоречиями: с 2004–2007 годов – перманентным конфликтом между старо- и младевропейцами (завышенные ожидания последними результатов вступления в ЕС против реальности); с 2011 года – кризисом беженцев по результатам цветных революций (во многом инспирированных США) в «мягком подбрюшье» Европы – Северной Африке и на Ближнем Востоке; с 2022 года – новой волной, на сей раз украинских беженцев и ростом военных расходов на поддержку Украины ценой ухудшения жизненного уровня своих собственных граждан. Все это последовательно ведет к ухудшению глобальной конкурентоспособности Европы.

США достигли своей главной цели по разбеднению России с Европой (в первую очередь по «недопущению объединения ресурсов России и Германии в неподедимую для США комбинацию», о чем говорил Джордж Фридман, руководитель американского

агентства Stratfor), физически и/или политически разорвав или существенно сократив существующие поставки газа из РФ в ЕС, в первую очередь – прямые поставки из РФ в ФРГ. Связав войной в Европе Украину–Россию–ЕС, которая поглощает ресурсы конкурентов, США обеспечили себе возможность зарабатывать на этой войне.

Увеличение доли военных расходов в бюджетах стран ЕС (что предписано документацией НАТО) или даже выше 2% ВВП (что происходит на практике в ряде стран ЕС) означает увеличение закупок американских вооружений. Председатель комитета по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США Майкл Маккол заявил в конце марта, что из выделенных 113 млрд долл. финансовой помощи, которую США выделяют Киеву, примерно 60% ассигнуются американским войскам, американским рабочим, а также на модернизацию американских запасов. То есть в строгом соответствии с логикой плана Маршалла, положенной в основу разнообразных американских «программ помощи», США, помогая другим в развязанной ими же войне за пределами своей территории, в первую очередь помогают самим себе.

Таким образом, организовав войну в Европе и обеспечив ее длительной и разорительной для своих конкурентов характеристикой, США, видимо, полагают, что устранили угрозу войны на два фронта и теперь могут вилотную заняться Китаем. Значит, перед ним неизбежно встанут те же проблемы, над решением которых сегодня работает Россия. И на фоне которых американская санкционная история с Huawei покажется незначительным эпизодом.

В этих условиях консолидация ресурсов всех государств континента на основе общей объединительной повестки является единственным рациональным, на мой взгляд, выходом и для России, и для Китая, и для других стран, которые могут стать следующими жертвами/целями санкционных атак.

«Век Евразии»?

Целевым для России, полагаю, должен являться вариант «долгого века Евразии», в котором места России, Китая, Индии, Ирана, Саудовской Аравии, Индонезии и других государств континента должны определяться в ходе динамического уторговывания многостороннего баланса интересов сторон, где ключевые игроки должны играть согласованную роль группы «коренников» в единой упряжке.

Именно на такой консолидации Евразии должны быть, полагаю, сконцентрированы основные усилия в международной деятельности нашей страны. Не понаслышке знаю, насколько это трудная задача (в течение шести лет я работал заместителем генерального секретаря секретариата Энергетической хартии (СЭХ) – международно-правовой многосторонней межгосударственной организации в энергетике, в которую входило более полусотни государств, а многосторонними

взаимоотношениями в международной энергетике занимаюсь на практике в разных качествах с 1990 года). Но, как предписывает доктрина Лиоте, нужно сажать деревья сегодня, чтобы в их тени можно было отдохнуть через 30 лет. Или, как любил говорить Егор Гайдар, «реформы делают не тогда, когда на это есть время и деньги, а тогда, когда нет возможности их не делать».

Полагаю, у нас нет возможности не заниматься консолидацией Евразии, чтобы новый «долгий век» стал «веком Евразии». Чтобы через 30 лет (продолжительность нормального инновационно-инвестиционного цикла, как показывает, скажем, пример американской сланцевой революции, выстрелившей около 2007 года, но запущенной в 1977 году) или раньше (зависит от того, как работать над этим будем) обрести устойчивое экономико-политическое положение в рамках новой организации мирового пространства – за пределами «долгого века» США, после радикальной реорганизации существующих международных институтов, построенных на заре формирования постыалинского мира. В условиях, возможно, новой глобализации, но прошедшей через нынешнюю деглобализационную стадию, разрушающую (или уже разрушившую) старую международно-правовую систему, выстроенную в значительной степени по англосаксонским лекалам, возврата к которой уже быть не может. Построение нового глобального мира по новым правилам будет возможно тогда и только тогда, когда появится сильный противовес (как во времена противостояния СССР и США) объединенному трансатлантическому англосаксонскому миру в лице, на мой взгляд, объединенной, консолидированной Евразии.

Для недопущения консолидации государств Евразии уже предпринимаются множественные усилия – попытки экономически раздробить Евразию (например, продвижение концепции Алтазии – совокупности прибрежных и островных государств Азии от Японии до Индостана без Китая, Мьянмы, Шри-Ланки), втянуть отдельных ее представителей в различные блоки с участием США (QUAD и QUAD-2), усилить коллективное военное присутствие трансатлантического сообщества в регионе для противодействия Китаю (AUKUS). Подход давно известный: раздели и властвуй!

Россия, на мой взгляд, может в противовес предложить объединительную повестку для консолидации всех государств Евразии. В ее основе может лежать энергетика, ее ключевые традиционные и новые отрасли.

От БЭЭ к ЕЕАЭП

Нынешнее внешнеэкономическое развитие нашей страны должно выстраиваться, на мой взгляд, с целью нахождения многостороннего баланса интересов в рамках формирующегося «единого евро-азиатского энергетического пространства» (ЕЕАЭП) с учетом опыта (как позитивного, так и негативного) «большой энергетической Европы» (БЭЭ).

Альтернативным принципом организации глобального энергорынка является формирование двух сфер влияния – «демократической», или трансатлантической и «автократической», или евразийской

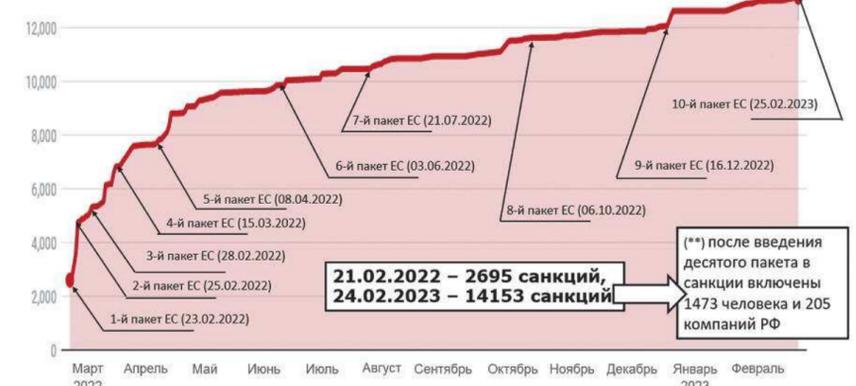

Рис. 1 Динамика и общее количество антироссийских санкций от ЕС, США, Австралии, Канады, Швейцарии и Великобритании. Схема автора по данным сайта www.castellum.ai

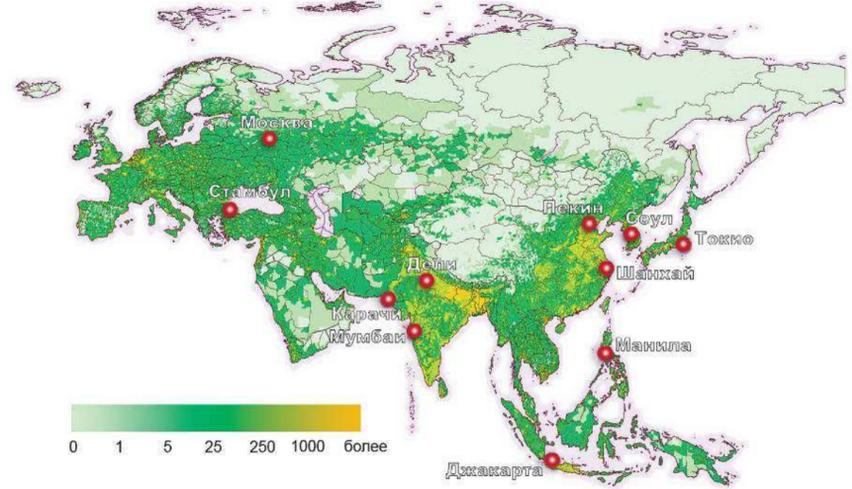

Рис. 2 Карта Евразии с плотностью населения (красным отмечены города с более 10 млн жителей). Карта «НГ»

И с учетом нынешних геополитических и геоэкономических реалий. Триада приоритетов для РФ в этих новых условиях, на мой взгляд: энергоэффективность, природный газ, опора на собственные силы.

Последнее – через обретение совокупности четырех суверенитетов: интеллектуального, технологического, финансового, и только связка этой триады обеспечит в полной мере реализацию неотъемлемого суверенитета национальных государств над своими природными ресурсами. Который сегодня в тестовом режиме пытаются у нас отнять западные страны – через введение посредством санкций потолков цен. В нефтяной сфере – для России и Венесуэлы. В газовой сфере – для широкой совокупности участников рынка газа ЕС.

На очереди, полагаю, Китай с его доминированием на рынке редкоземельных металлов. О принудительном сокращении зависимости от Китая все более активно говорят в ЕС и США. На долю Китая приходится две трети мировых производственных мощностей отраслей новой энергетики, но США увидели недопустимую зависимость от Китая уже и в некоторых отраслях ВПК, расширяются обвинения Китая в промышленном шпионаже через граждан США китайской национальности. Или все это является операцией прикрытия для обоснования введения антикитайских санкций?

В прошлом внешнеэкономические связи нашей страны в энергетике развивались преимущественно на пути формирования БЭЕ – географического пространства, объединенного транснациональной стационарной капиталом крупной промышленной и весьма протяженной энергетической инфраструктурой, включающей собственно Европу, Северную Африку, Среднюю Азию, Западную Сибирь, то есть лишь западную часть Евразии. Это было обусловлено историко-экономическими причинами. В рамках БЭЕ объективно доминировали Европа (ЕС) как основной потребитель и Россия как основной поставщик традиционных энергоресурсов. Поначалу развитие сотрудничества шло путем нахождения баланса интересов в рамках совокупности двусторонних «диагональных сделок» – долгосрочных контрактов (ДСК) СССР с западноевропейскими компаниями на основе выстраивания соответствующих инфраструктурных коридоров. Впоследствии поиск многостороннего баланса интересов РФ–ЕС шел в условиях многоуровневой диверсификации с обеих сторон в рамках консолидации этих коридоров в объединенное инфраструктурное пространство. До 2003–2004 годов энергетическое взаимодействие РФ–ЕС шло по восходящей траектории, затем замедлилось, а с 2014 года вошло в резко нисходящую фазу (когда после «крымской весны» энергодиалог РФ–ЕС был оставлен во всех своих проявлениях, кроме одного канала неформального взаимодействия в газовой сфере) и было окончательно прервано европейской стороной в марте 2022 года с заявленным тогда же полным отказом ЕС от российских энергоресурсов к 2027 году.

Тем не менее Россия является неотъемлемой частью БЭЕ, нас объединяет, повторюсь, общая транснациональная стационарная капиталом крупномасштабная и весьма протяженная энергетическая инфраструктура. В ее рамках моя страна долго выстраивала, формировала свою оптимальную нишу, преимущественно в качестве поставщика (в основном первичных) энергоресурсов в ЕС. Чем сильно поспособствовала экономическому подъему Европы в советское и постсоветское время. Теперь все это в одиночку забыть. А общую для РФ и ЕС энергетическую инфраструктуру противники РФ пытаются не только экономически омертвить, прекратить закупки российских энергоресурсов, а значит, и поставки по ней (ведь именно доходы от транспортировки дают финансовые поступления для поддержания этой инфраструктуры в рабочем состоянии за пределами РФ), но и физически уничтожить.

Россия должна сегодня и в будущем опираться на «три ноги» – на три континентальных рынка, связав их стационарной и мобильной инфраструктурой: на внутренний рынок РФ (необходимо наращивать его значение для экономического развития страны, заводя обратно и развивая на внутреннем рынке, вплоть до максимальных высоких переделов, те энергетические цепочки, которые ранее ориентировались на Европу и обрывались в ней), рынок ЕС (произошло временное, быть может долговременное, схлопывание его значения для РФ) и рынок Азии (который

необходимо рассматривать как рынок всего ЕЕАЭП, целенаправленное развитие которого должно обеспечить органический рост российского на нем присутствия по мере роста самого этого рынка). Необходим комплекс традиционных и нетрадиционных (не применявшихся в Европе и/или на внутреннем рынке) технологических, организационных, маркетинговых решений для освоения азиатской части евразийского пространства.

В отношении газа это означает, что в дополнение к развитию инфраструктуры сетевого газа (доминанты сегодняшнего внешнеэкономического развития в Азии в рамках реализуемой с 2002 года Восточной газовой программы, то есть фактического начала «поворота на Восток» на практике) необходимо создавать мобильную инфраструктуру СПГ, как традиционную морскую, так и новую континентальную, как крупнотоннажную (кТСПГ), так и малотоннажную (мТСПГ) для работы на мировом рынке. Для того чтобы на внешних (экспортных) рынках иметь технические возможности работать не только по ДСК, но и в рамках краткосрочных поставок и арбитражных сделок.

Необходимо менять систему ценовых индикаторов для внешнеэкономических сделок и для работы на внутреннем рынке, там где они привязаны к международным котировкам западных ценовых агентств. В условиях деглобализации тем более нельзя быть привязанными к котировкам (бенчмаркам), которые строятся на основе, во-первых, тех сегментов рынков, от которых нас отрезают, во-вторых, тех, которые уже давно перестали отражать объективные реалии материальной сферы, но отражают поведение рынков финансовых деривативов – производных финансовых инструментов от рынков биржевых товаров, которые формировались в рамках и в интересах ключевых участников англосаксонской финансовой системы (например, маркеры Brent и WTI – специалисты понимают, о чем речь). То есть эти бенчмарки представляют п-ю производную от материальной сферы, где обращаются энергоресурсы, являющиеся объектом производства и потребления, а не финансовых спекуляций. Это актуальная задача и для России, и для всей Евразии. Поэтому вызо-

к восстановлению отношений между РФ и ЕС, но уже в условиях новой реальности, при новых европейских политических элитах), но как усиление нашего восточного вектора в рамках многовекторной политики в ходе объективного процесса объединения трех рынков и перехода от формирования эффективного места России в БЭЕ к поиску и выстраиванию совместно с азиатскими партнерами эффективного и взаимоприемлемого места России на формирующемся ЕЕАЭП, в рамках которого БЭЕ утрачивает свое доминирующее в прошлом значение. Причем в силу объективных причин, а не только в силу односторонних действий ЕС, инициированных США.

На долю зарубежной Азии приходится примерно 60% населения планеты, но менее 40% в мировом ВВП. Поэтому если для государств ОЭСР (стран «золотого миллиарда») сегодня основной целью устойчивого развития (ЦУР) в рамках классификации ООН стала климатическая повестка (ЦУР 13), то для всех без исключения (как правило, перенаселенных, то есть характеризующихся сверхвысокой плотностью населения, рис. 2) стран Евразии более значимыми являются все без исключения ЦУР, расположенные выше в иерархии, чем климатическая ЦУР 13. Особенно ЦУР 1 (ликвидация нищеты), ЦУР 2 (ликвидация голода), ЦУР 6 (чистая вода и санитария), которые невозможны без достижения ЦУР 7 (недорогостоящая и чистая энергия), ЦУР 8 (достойная работа и экономический рост), ЦУР 9 (индустриализация, инновации и инфраструктура).

Понятно, что такое устойчивое развитие должно происходить в рамках и с учетом тех двух ключевых корректив парадигмы глобального энергетического развития, которые, на мой взгляд, должны быть свойственны всем странам (только их национальные инструменты будут существенно различаться). Первая: переход после нефтяных кризисов 1970-х годов от энергорасточительного к энергоэффективному развитию. Вторая: переход после Китского (1998) и Парижского (2015) соглашений от высокоэмиссионного к низкоэмиссионному развитию (но при этом ЦУР 13 не должна искусственно доминировать над другими выходящими ЦУР).

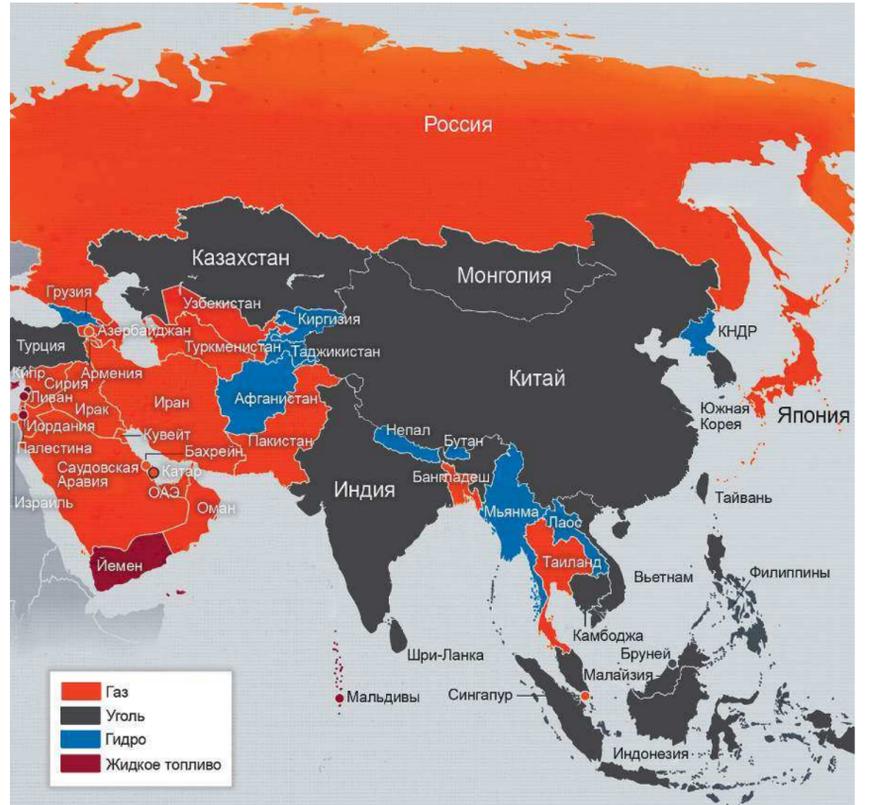

Рис. 3. Производство электроэнергии в Евразии по источникам: черный – уголь, оранжевый – газ, синий – гидроэнергия, красный – жидкое топливо. Карта «НГ»

Развитие грузовых дирижаблей для целей газо-, энергоснабжения на основе малотоннажного СПГ решает задачу сбыта продукции с Амурского газоперерабатывающего завода без обрушения мирового рынка гелия

вы «поворота на Восток» – это не только перенаправление энергетических потоков и тем более не только и не столько наращивание традиционных поставок в Китай. Увы, с такой заузненной трактовкой приходится сталкиваться регулярно (как вплоть до настоящего времени приходится сталкиваться со столь же заузненной трактовкой понятия «энергоснабжение» – что это якобы должен быть отказ от органического топлива и его замещение ВИЭ). «Поворот на Восток» – это должно быть формирование ЕЕАЭП со всеми присущими ему атрибутами.

Общая повестка
Расширение общего инфраструктурного пространства в энергетике Евразии является объективным процессом. Это отмечает ряд исследователей, включая автора. В моем мировоззрении это давно укоренившийся процесс: в 2004 году я опубликовал книгу «Россия на формирующемся евро-азиатском энергетическом пространстве: проблемы конкурентоспособности». Еще раньше, в 1998 году, академик **Алексей Макаров (ныне научный руководитель ИНЭИ РАН)** опубликовал книгу «Мировая энергетика и евразийское энергетическое пространство», а о неотъемлемых опорах на три рынка он говорил на моей памяти еще в начале 1990-х годов. То есть понимание необходимости диверсификации энергетических рынков, а значит инфраструктуры, для России существует давно, но технические и экономические возможности для этого (для добавления восточного вектора энергетической политики России, для превращения диады в триаду, для практического начала формирования «третьей ноги», третьего опорного рынка) появились лишь на рубеже веков.

Поэтому в рамках идеологии опоры на три рынка сегодняшний «поворот на Восток» ни в коем случае нельзя рассматривать как отказ от Европы (не сомневаясь, что мы еще вернемся в будущем

Основные контуры ЕЕАЭП
Итак, предлагаемая объединительная повестка для партнеров в Евразии – это формирование энергетической инфраструктуры ЕЕАЭП. Вот некоторые его основные контуры в моем представлении с учетом двух вышеуказанных объективно обусловленных корректировок энергетической парадигмы. Электро- и теплоснабжение с учетом эмиссионного фактора – это газ (сетевой и СПГ), АЭС, ВИЭ. Без наращивания энергоснабжения не будет экономического роста, вывода из бедности этих перенаселенных стран, решения проблемы качества окружающей природной среды. Качество воздуха во многих частях Евразии, особенно в районах сверхвысокой плотности населения, недопустимо низкое. Одна из причин: электроэнергетика в Азии преимущественно угольная (рис. 3). Но рост энергоснабжения должен быть рационально низкоэмиссионным – именно поэтому необходима комбинация низкоэмиссионных НВЭР и ВИЭ.

Подчеркну нов: электроэнергия ВИЭ и ее производные, например так называемый возобновляемый, или зеленый, водород (получаемый путем электролиза воды с использованием электроэнергии ВИЭ), при производстве которых действительно отсутствуют выбросы CO₂, не являются энергоресурсами с нулевой эмиссией парниковых газов, если считать по полному производственному цепочкам, начиная с производства энергетического оборудования (и сырья для его производства) в начале цепочки и утилизации этого оборудования в конце производственной цепочки полного цикла. Поэтому ВИЭ не имеют априори конкурентного преимущества перед природным газом и АЭС по климатическим соображениям, несмотря на то, что этот тезис буквально вколачивается в голову обывателям, особенно в Европе.

Газ используется как для централизованного, так и для

технологических, финансовых ресурсов, чтобы максимально эффективно реализовать свой суверенитет над своими природными ресурсами, расположенными в разных частях Евразии. Совместное производство на базе ресурсов Ирана (Южный Парс – это 40% крупнейшего в мире газового месторождения), расположенного по соседству с крупнейшими растущими рынками, это возможность органического роста для совместного бизнеса. Впоследствии обе стороны получат возможность осуществлять маневр поставками кТСПГ (или, шире, своповые операции в газовых поставках – сетевых и СПГ) и таким образом конвертировать потенциальную конкуренцию в газовой сфере между двумя странами, которой много лет страдают обывателей, в кооперацию на мировом рынке, в первую очередь – в Южной и Юго-Восточной Азии, куда из Персидского залива много ближе, чем из Ямальского газового бассейна.

Вглубь континентальных районов Евразии идет сетевой газ (большие расстояния от месторождений до центров потребления, значит, нужен эффект масштаба для централизованного энергоснабжения при наличии крупных индивидуальных и/или консолидированных, в том числе межстрановых, потребителей) и поставки мТСПГ в криогенных цистернах для децентрализованного использования. Средства доставки СПГ – в зависимости от имеющейся дорожной инфраструктуры. При ее отсутствии – грузовые дирижабли, поставляющие СПГ в криогенных цистернах и танках-контейнерах для модульной газификации объектов различного назначения, разной крупности, разного характера производственного цикла (дискретный/непрерывный). Мы с **Владимиром Ворошиловым** (консорциум «Дирижабли в Якутии») описали этот сценарий для районов РФ к востоку от Урала и в арктической зоне. Такая схема

применима и в Евразии. Важно объединить обе схемы для получения эффекта масштаба.

Основные существующие и планируемые газовые магистрали в Азии сосредоточены в трех коридорах/зонах:

– поставки российского газа на северо-восток Китая. Это магистраль «Сила Сибири» (38 млрд куб. м/год), «Союз Восток» (Сила Сибири – 2) (50 млрд куб. м/год) и «Дальневосточный маршрут» (Сила Сибири – 3) (10 млрд куб. м/год);

– поставки на юг/юго-восток Китая в рамках серии газопроводов «Запад–Восток» (к северу от Гималаев) с северо-запада страны на основе газа Таримского бассейна Китая («Запад–Восток – 1», 12 млрд куб. м/год) и газа из Средней Азии (газопровод Туркменистан–Узбекистан–Казахстан–Китай, три нитки общей мощностью 55 млрд куб. м/год; после запуска четвертой линии из Туркменистана через Киргизию и Таджикистан общая мощность поставок в Китай по этому маршруту составит 65 млрд куб. м/год);

– юго-западный коридор (к югу от Гималаев) на основе многострадальных проектов газопроводов трансгафганского (ТАПИ – Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия, 33 млрд куб. м/год) и трансиранского (ИПИ – Иран–Пакистан–Индия, 7,8 млрд куб. м/год).

Поэтому возможно размещение установок по производству мТСПГ на тех компрессорных станциях (КС) этих газопроводов (шаг между КС 100–150 км), которые дадут оптимальную зону охвата территории близлежащих государств, подлежащей газификации с помощью грузовых дирижаблей. Площадки базирования которых (и зоны складирования танков-контейнеров с криогенными цистернами мТСПГ) в привязке к соответствующим КС будут выбираться, исходя из решения оптимизационной транспортной задачи.

Необходимо поставить и решить задачу создания линейки типоразмеров крио-АЭС и модульных газовых электростанций для обеспечения модульного характера децентрализованного энергоснабжения объектов разной крупности. Такая газификация даст экономия на дорогостоящей – на уровне распределительных сетей – сетевой газификации, создаст также предпосылки для масштабирования применения газомоторного топлива и т.п. мультипликативные эффекты – для газовой отрасли и не только.

Немаловажно, что развитие грузовых дирижаблей для целей газо-, энергоснабжения на основе СПГ решает задачу сбыта гелия с российского Амурского ПЗ без обрушения мирового рынка гелия. А кооперация связи линейные газопроводы для централизованного газоснабжения на основе сетевого газа и грузовые дирижабли для децентрализованного газоснабжения на основе мТСПГ создает мощный эффект масштаба для промышленности по производству криоцистерн, танков-контейнеров, грузовых дирижаблей, модульных установок по сжижению, крио-АЭС, газовых электростанций. А это возможность для взаимовыгодной технологической кооперации азиатских государств в интересах всего ЕЕАЭП.

Безусловно, любая из имеющихся кооперационных площа-

док в Евразии приемлема для продвижения этой идеологии в область практического воплощения: ЕАЭС, ШОС, БРИКС и т.д. Финансовые институты этих интеграционных объединений, включая заинтересованные национальные банки вовлеченных государств (например, очевидные кандидаты – российский Газпромбанк, китайский Азиатский банк инфраструктурных инвестиций), станут инвестиционными драйверами процесса создания консолидированной энергетической инфраструктуры Евразии на основе предлагаемой идеологии.

Таким образом, комплексная многоплановая задача газификации Евразии с целью вывода стран континента из энергетической бедности и экономической нищеты, подъема жизненного уровня, улучшения качества природной среды становится сразу же межгосударственной многоотраслевой задачей. России вполне по силам выдвинуть такую инициативу и совместно с рядом других заинтересованных стран возгласить этот процесс в интересах всех вовлеченных государств Азии. Организационно может применяться механизм проектов общего интереса (по аналогии с соответствующей практикой ЕС) – формирование новых совместных центров производства и дальнейшего использования газа (сетевого и СПГ) в Евразии.

Не повторять европейских ошибок

При консолидации Евразии Россия должна избежать прошлого европейского сценария развития энергетического сотрудничества. Где в рамках цепочки создания стоимости нам были оставлены низшие звенья товарных энергетических цепочек. В свое время предложение «Газпрома» о сквозном участии в газовой цепочке от аптрима до конечного газопотребителя на газовых ТЭС (так называемый обмен активами) было Европой отвергнуто. Полагаю, именно такой отвергнутый в ЕС подход на основе «обмена активами» должен стать основой энергетической политики России в Евразии (в рамках развернутого понимания «поворота на Восток»). Имею в виду «обмен активами» в расширенном и углубленном понимании, то есть участие российских компаний во всех звеньях производственно-сбытовых цепочек энергоресурсов вплоть до производства продукции высших переделов при энергетическом и неэнергетическом использовании энергоресурсов как при движении вдоль цепочек, так и с выстраиванием таких же совместных с заинтересованными и компетентными партнерами ответвлений от основных энергетических производственных цепочек в сопряженные и побочные виды производственной деятельности. Обеспечивая взаимопроникновение, взаимоувязку и взаимозависимость государств Евразии на основе энергетической составляющей экономического сотрудничества. Ибо без энергии нет развития, нет подъема благосостояния, нет вывода из энергетической бедности. А это для государств Евразии главная задача. ■

Андрей Александрович Конопляник – доктор экономических наук, профессор.